

Некрополь заполярного индустриального города как символическое пространство: к постановке проблемы (На примере г. Мурманска)¹

В рамках реализации проекта «Освоение Крайнего европейского Севера: процессы социокультурной адаптации и структуры региональности» было проведено комплексное обследование кладбищ г. Мурманска. Одним из его результатов стала подготовка справочника-путеводителя «Мурманский некрополь», опубликованного при поддержке Администрации г. Мурманска к 70-летию Мурманской области². Особенности жанра этой публикации, представляющей собой своеобразную городскую Книгу памяти, мартиролог, не позволили включить в нее наблюдения и выводы, сделанные, собственно, по теме проекта, которые хотелось бы, хотя бы в тезисном виде, в порядке постановки проблемы, сформулировать в этой работе.

Сегодня в Мурманске и его окрестностях существует около десятка самых различных кладбищ – городских и мемориальных, в том числе воинских (из них 2 иностранных) и братских. В социокультурном отношении наибольший интерес представляют именно городские, гражданские кладбища, которые, в отличие от возникающих и мемориализуемых обычно в качестве однообразных комплексов воинских захоронений, создаются и развиваются самим городским сообществом на протяжении длительного времени, отражая в себе не только построенные на коммунальных нормативах и общепринятых традициях погребальной культуры предзаданные формальные конструкции, но и местное символическое творчество, позволяющее провести ценные наблюдения за поведением и состояниями местного социума.

Заполярный индустриальный город, к которым относится и Мурманск, имеет довольно типичный алгоритм развития: внезапное, мотивированное внешними (главным образом, стратегическими) причинами, возникновение (причем, как правило, на пустом месте), сменяемое хаотической стадией развития, когда индустриальное поселение и по внешним признакам, и по многим внутренним установкам представляет собой лагерь; далее следует процесс превращения лагеря в город, вызываемый как самим его строительством по традиционным канонам городской культуры, так и постепенным приспособлением, адаптацией мигрантов к местным

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ и региональной целевой программы «Развитие науки, научно-технической и инновационной деятельности в Мурманской области на 2006–2008 годы» (проект 08-01-43106 а/С).

² Федоров П.В., Синицкий А.Н. Мурманский некрополь. – Мурманск, 2008. – 208 с.

условиям, превращение временного пристанища в место жизни, малую родину.

Погребальная культура, при всей своей консервативности и каноничности, не может не отражать в себе поведенческих стратегий местного социума, поскольку уже своим существованием свидетельствует о наличии «смертной связи» усопшего с землей. Конечно, не все почившие люди предвидят свой конец и место своего погребения, не каждый похороненный на кладбище является укоренившимся жителем. Однако тот, кто вынужден отмечать места погребений ритуальной символикой (родственники, друзья), так или иначе фиксирует свое отношение не только к усопшему, но и к акту погребения.

У Мурманска существуют два городских общегражданских погребальных комплекса, не имеющие официальных названий, но различающиеся горожанами как «старое кладбище» (в Северной промзоне Мурманска) и «новое кладбище» (6–8 км шоссе Кола – Мурманши). Старое кладбище было открыто для захоронений с 1930-х гг. до 1971 г. Но в виду того что оно сильно пострадало в годы Великой Отечественной войны, основной массив памятников на нем относится к послевоенному времени. На новом же кладбище захоронения проводятся с 1971 г. по настоящее время. Ныне и то, и другое кладбища представляют собой большие «города мертвых». Статистика по старому кладбищу не обнаружена, лишь по очень приблизительным подсчетам можно предположить, что здесь похоронено около 40–50 тыс. человек (и это не считая воинских захоронений). На новом кладбище, занимающем территорию площадью около 100 гектаров, по официальным данным, похоронено более 100 тыс. чел. Размеры кладбищ свидетельствуют не только о былом бурном росте численности населения Мурманска, но и о наметившемся в последнее время его старении.

Погребальная культура сопряжена с уводящей в глубокую древность сакральной атрибутикой, которая и сегодня находит свое выражение в символическом пространстве некрополя. Чисто внешне архитектурно-композиционный ландшафт обоих кладбищ заметно отличается друг от друга. Надгробная архитектура старого кладбища весьма аскетична и проста. Преобладают бедно украшенные металлические и цементные (редко – гранитные) обелиски и стелы, увенчанные звездами или православными крестами. Данный стиль отражает не столько низкий в целом уровень жизни советского человека сталинско-хрущевской эпохи (отчасти даже наоборот: себестоимость такого надгробия оказывалась выше деревянного креста, распространенного в довоенных секторах, и в этом смысле заметен материальный прогресс), сколько большевистскую установку социального равенства, подкрепленную вековой традицией единства сельского «мира» (ведь многие из похороненных здесь приехали в Мурманск из сельской местности). Не случайно на старом кладбище встречаются надгробные памятники в виде православных крестов (особенно в секторах 30–50-х гг.),

хотя, очевидно, что под воздействием идеологических установок Советской власти, направленных на борьбу с религией, христианский символизм в надгробной архитектуре постепенно уступает место другим формам, практически свободным от религиозного влияния.

Архитектура и эпиграфика нового кладбища заметно отличается от старого. Рост благосостояния населения, деидеологизация духовной жизни, проявившееся в последнее время стремление к ренессансу дореволюционной, в том числе православной, культуры привели и к изменению надгробий. На смену бедным металлическим и цементным стелам и обелискам пришли помпезные гранитные надгробия, украшенные методом врезки портретами умерших и иногда даже барельефами и горельефами. Впрочем, авторы современных памятников экспериментируют не столько с их формой, которая остается преимущественно четырехугольной, сколько с графическими изображениями. Поэтому художественная резка по камню представлена в Мурманске многочисленными мастерскими. Скульптура же еще не нашла широкого применения в Мурманском некрополе, что связано не только с дороговизной скульптурного ремесла, но и с неразвитостью его в городе.

Вместе с тем традиция обносить надгробные памятники оградами, широко распространенная на старом кладбище, почти искоренена на новом, что связано, на наш взгляд, не только с введенным в последние десятилетия запретом на огораживание (из-за недостатка удобной земли), но и изменением семейных традиций. Ограда – признак семейственности, ее предназначение не только в предохранении могилы от побочных воздействий, но и в том, чтобы зарезервировать участок земли для других членов семьи. Семейных захоронений на старом кладбище встречается немало, да и незахороненные, оставшиеся свободными, участки (в результате закрытия кладбища в 1971 г.) свидетельствуют о существовавшей потребности в создании таких своеобразных семейных усыпальниц. Причина этого, на наш взгляд, связана с тем, что в Мурманск часто переезжали целыми семьями, родами: из голодающих деревень следом за младшими родственниками устремлялись старшие и наоборот. Поддержание традиций семейственности, контакты с дальними родственниками и земляками и, как следствие, создание на кладбище семейных участков были не только результатом функционирования неразорванных связей рода, но и фактором, заметно облегчавшим обретение нового социального статуса в незнакомом месте.

Исчезновение оградок, больших семейных захоронений на новом кладбище связано с процессом постепенного распада большого рода, измельчанием семьи, утратой у ее членов чувства родственной связанности, размытостью традиций семейной культуры, незначительностью ее достигаемого исторического пласта (в среднем 2–3 поколения). Условия на Севере, в Мурманске, не кажутся теперь такими же суровыми, как раньше, индивид более свободен в плане передвижения и жизненного планирова-

ния. Да и средний возраст мурманчанина (34–35 лет) пока не дает ему серьезных оснований задумываться о смерти.

На старом кладбище, с его бессистемностью и хаотичностью погребений, так называемые «почетные захоронения» известных людей города разбросаны по всей территории, единственным ориентиром для них служит пешеходная тропа, пересекающая кладбище с севера на юг, и два воинских захоронения, в близости к которым и старались похоронить известных горожан. Новое кладбище более цивилизовано: везде проведены дорожки, сделано освещение, созданы специальные сектора почетных захоронений, свидетельствующие о процессе структурирования местной элиты. На новом кладбище почетные сектора не только очерчены в пространстве, но к ним подведены удобные дороги, они украшены мемориальным убранством (пилоны, лестница, пропилеи, зал траурных церемоний) и институализированы в правовом поле. Начало этому положило решение Мурманского горисполкома от 23 мая 1975 г. «о месте почетного захоронения на городском кладбище». В Положении было записано: «Место почетного захоронения предназначено для увековечивания памяти лучших людей города, жизнь и дела которых неразрывно связаны с историей... Мурманска. Являясь памятником истории и культуры, оно зримо свидетельствует о героическом прошлом мурманчан и должно служить в целях коммунистического воспитания трудящихся»¹. Положение предусматривало захоронение на почетном месте: Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда, кавалеров 3 степеней орденов «Славы» и «Трудовой Славы», депутатов Верховного Совета СССР, депутатов Верховного Совета РСФСР, почетных граждан города Мурманска, депутатов областного и городского Советов депутатов трудящихся, заслуженных работников промышленности, транспорта, просвещения, здравоохранения, культуры, торговли и связи, старейших работников города, ветеранов революции и Великой Отечественной войны².

Если первоначально почетный сектор, действительно, преимущественно создавался для чиновников и приближенных к властным кругам деятелей, то впоследствии все больше места в нем стала занимать творческая элита – писатели, художники, музыканты и т.д., а потом – и «криминальные авторитеты», что тоже наглядно отражает процессы развития городской среды.

Еще одно наблюдение связано с изучением возрастов похороненной на кладбищах городской элиты. В первые десятилетия своего существования Мурманск еще не имел своей собственной интеллигенции: миграционные процессы, постоянный въезд и выезд руководителей и творческих работников были обычным явлением для довоенного города. «Оседание»

¹ Государственный архив Мурманской области (ГАМО). – Ф. Р-142. – Оп. 2. – Д. 2073. – Л. 185.

² Там же. – Д. 2074. – Л. 295.

элиты на мурманскую землю своеобразно фиксирует некрополь: оказалось, что родившихся в 1880-е гг. всего 2%, в 1890-е гг. – 3%, в 1900-е гг. – 24%; в 1910-е гг. – 25%, в 1920-е гг. – 27% и т.д. Этот феномен, конечно, требует еще детального изучения, почему именно поколение, появившееся на свет в 1900-х гг., положило начало отношению к Мурманску как к родной земле. Может быть, сказалась подвижность переходного, от дореволюционного к советскому строю жизни, поколения?

Надгробные посвячительные надписи – эпитафии, редко встречающиеся на старом кладбище, являются уже неотъемлемым атрибутом на новом. Надгробные тексты различаются по адресату (они могут быть обращены к Богу, к умершему, к прохожему, к матери-земле и т.д.). Изредка эпитафия включает северные мотивы, но гораздо чаще последние встречаются в графических изображениях, выполненных на надгробных плитах: пейзажи, городской ландшафт, корабли, чайки и проч.

В то же время погребальная символика отразила и пределы адаптации социума к условиям Заполярья. В некоторых надписях и графических изображениях нового кладбища передана тоска по «малой родине», сожаление о неосуществленной мечте усопшего уехать в места, где прошло начало жизни. Так, на одном из памятников изображен храм на фоне сельского ландшафта средней полосы и высечен текст: «Сердце к родимым просторам стремилось, но слишком рано остановилось» (2000).

Погребальное творчество северян, таким образом, дает богатую пищу для размышлений о социокультурных процессах на Севере, своеобразно дополняя «северный текст» свойственной только ему спецификой.